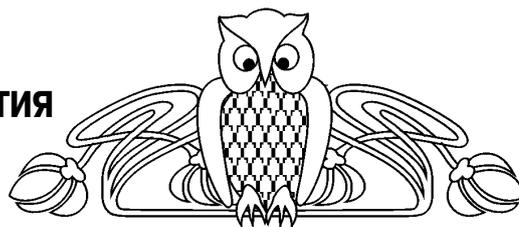

- ² *Винокур Т.Г.* Воспроизведение особенностей разговорной речи в художественном тексте (к построению типологии приема) // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984. С. 41–42.
- ³ *Сиротинина О.Б.* Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: Пособие для учителя. М., 1996. С. 157.
- ⁴ *Полищук Г.Г., Сиротинина О.Б.* Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 192.
- ⁵ *Скляревская Г.Н., Шмелева И.Н.* Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 94.
- ⁶ Здесь и далее стихотворения цитируются по следующему изданию с указанием тома и страницы: *Ахматова А.А.* Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1990.
- ⁷ *Фрайдохф Г.* Служебные языковые средства в структуре славянского диалога. Мюнхен, 1995. С. 39.

УДК 811.111'37

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

М.Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: marinaugustina@mail.ru

В данной статье рассматривается роль тематического контекста в исследовании исторического развития семантики лексических единиц. Предметом анализа является функционирование лексем морально-этической сферы в средневековом английском религиозном дискурсе.

Ключевые слова: историческое развитие, тематический контекст, лексика, религиозный дискурс, морально-этическая сфера.

Thematic Context as a Unit of Investigation of the Historical Development of the Semantic Structure of Words

М.У. Kolokolnikova

This article deals with the role of thematic context in the investigation of historical development of semantic structure of words. The analysis focuses on the functioning of moral-ethical lexis in the English medieval religious discourse.

Key words: historical development, religious discourse, moral-ethical sphere.

В рамках исторической лексикологии особое внимание всегда уделялось анализу конкретных контекстов употребления изучаемых слов. Б.А. Ларин, например, подчеркивает, что «объектом лексикологии, строго говоря, является не слово, а тексты, в которых мы вычленим искомое слово и путем широкого сопоставления большого количества текстов изучаем те изменения, которые происходят в его знаковой (звуковой) и в его смысловой стороне». Н.А. Мещерский, приводя эти слова в своей статье «Критические заметки по русской исторической лексикологии», сопровождает их следующим комментарием: «Об этом нужно непрестанно помнить всем изучающим историческую лексикологию»¹. Сходные мысли

находим и у многих других авторов: «Слово в контексте, слово, всесторонне изученное в отношении его внешней и внутренней формы, приобретает особенно большое значение в современной исторической лексикологии»²; «Нет и не может быть другой методики изучения значения слова древнего языка, кроме изучения всех случаев его текстового применения»³.

В последнем случае представляется необходимым только добавить, что подобная методика, связанная с тщательным анализом всей суммы контекстных употреблений слова, может быть использована не только при определении его значения на том или ином этапе исторического развития, но и при изучении самого хода этого развития и его основных механизмов, тем более что в действительности синхронный (статический) и диахронный (динамический) подходы постоянно взаимодействуют самым тесным образом. На синхронном уровне, т.е. в состоянии уравновешенной системы, может быть рассмотрен довольно длительный период времени вплоть до столетий, тогда как сравнительно короткий отрезок может дать больший исторический сдвиг при рассмотрении языка в развитии, в диахронии.

В данной связи естественно встает вопрос не только о границах подобных контекстов и критериях их отбора, но также и об их природе. Прежде всего отметим, что во многих работах, посвященных исследованию эволюции значения лексических единиц, речь идет главным образом о контексте синтаксической конструкции, в рамках которой слово реализует свои лексические и синтаксические связи. При этом основу изменения семантической структуры слов обычно видят в первую очередь в изменении их лексической и грамматической сочетаемости. Подобный подход, безусловно, играет весьма важную роль в изучении собственно лингвистических механизмов

исторического развития лексики. Вместе с тем он не позволяет вскрыть глубинные причины происходящих преобразований, которые лежат преимущественно вне пределов самого языка, в экстралингвистической действительности, и обусловлены прежде всего постоянно изменяющимися потребностями в сфере коммуникации и познавательно-мыслительной деятельности человека.

Эти потребности, как хорошо известно, носят конкретно-исторический характер. Они самым непосредственным образом связаны со свойственной каждой эпохе преимущественной ориентацией на те или иные области духовной и материальной жизни общества, что, в свою очередь, находит отражение в присущей только данному хронологическому периоду системе ценностной иерархии общественно значимых типов дискурса и их жанровых разновидностей. Поэтому есть основания полагать, что изучение динамики данной системы может во многом помочь выявлению закономерностей исторического развития словарного состава того или иного языка на разных этапах его эволюции.

Вместе с тем нельзя не отметить, что до сравнительно недавнего времени преобладало мнение, согласно которому «термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно»⁴. Однако, как считает, например, Е.С. Кубрякова, «данное положение нуждается в некоторой оговорке: так, исследуя, например, речи Цицерона, можно сделать и некоторые заключения об их дискурсивных особенностях, т.е. особенностях использования языка в поставленных им целях и в определенном историческом контексте. Иначе говоря, мы ставим себя в положение исследователя, который наблюдает за развитием логики, делает свои заключения о выборе средств для решения возникающих задач и в этом смысле восстанавливает ход протекания деятельности, которая в обычном случае наблюдается непосредственно»⁵.

Следовательно, под «реальным (текущим) временем» надо понимать время исторически определенное – то, в котором протекает коммуникативная деятельность в рамках дискурсивного пространства на том или ином этапе его развития. Эта деятельность объективируется и сохраняется в виде корпуса текстов, в которых находит отражение среда функционирования языков в отдаленные от нас эпохи. Важную роль в реконструкции этой среды играют и различные источники общеисторического, общественно-политического и социально-экономического характера. Не следует забывать и о том, что в трудах по классической филологии изучение языка никогда не отделялось от культурно-исторического контекста эпохи.

Правомерность применения дискурс-анализа в диахроническом плане подчеркивают и литературоведы. С.В. Коняевская, например, обобщая

результаты исследования памятников древнерусской письменности, приходит к выводу, что для большинства древних текстов вполне возможно определить такие важнейшие в практике дискурс-анализа факторы, как цель коммуникации, ее условия и статус участников (адресанта и адресатов). Иными словами, можно установить (за редким исключением), кто, для кого, при каких обстоятельствах и с какой целью создавал письменные памятники, а следовательно, и дискурсивные признаки, которые способны находить свое уточнение и конкретизацию в жанровых разновидностях дискурса⁶.

Определение дискурсивных характеристик текстов рассматриваемой эпохи во многом облегчается тем, что авторы средневековых произведений (как русских, так и западноевропейских) были ориентированы по большей части на следование традиционным образцам, а не на самовыражение и создание принципиально нового. При этом они не делали принципиальных различий между собственно сочинительством и переделкой чужих текстов.

Все жизнеописания святых, как известно, создавались с позиции человека, владеющего абсолютно достоверной информацией, для того чтобы прославить святого и дать христианину достойный пример. С позиции очевидца, претендующего на полную объективность, создавались исторические хроники, предназначенные для памяти будущих поколений. Разумеется, в действительности эта «полная объективность» может рассматриваться, скорее, как некая установка, «сверхзадача», к которой в той или иной степени удавалось приблизиться автору. Неслучайно поэтому, что в дальнейшем хроники дали начало как историческому трактату, так и историческому роману.

Стоит, несомненно, принимать во внимание и тот факт, что дискурс соотносится не только с типовыми коммуникативными ситуациями, но и с определенными фрагментами действительности, которые в нем получают специфическое ценностно-смысловое измерение, т.е. определенный модус. Это представляется крайне важным, поскольку один и тот же диктум в чистом виде, т.е. одно и то же содержание, одно и то же положение дел, может составлять основу текстов различной жанровой и дискурсивной направленности. При этом именно сочетание соответствующих типов диктума и модуса во многом предопределяет то, что принято называть семантикой дискурса, которая находит отражение в содержательно-смысловых связях между текстами, входящими в его пространство.

С данной точки зрения дискурс может рассматриваться как совокупность присущих ему постоянно повторяющихся тем, мотивов, идей, символов и т.д. Причем для каждого периода времени можно, по-видимому, выделить свои излюбленные, «привилегированные» темы и

понятия, которые притягивают к себе все новые наименования.

В этой связи особую важность приобретают выявление и анализ тематически ограниченных, но социально значимых и в силу этого регулярно воспроизводимых групп контекстов. Именно в них, как представляется, во многих случаях берут свое начало различного рода модификации семантической структуры слов, которые впоследствии могут вести к ее существенному преобразованию на основе различных типов переносов (сужение, расширение, метафора, метонимия, смещение значений и т.д.).

При этом речь здесь идет о тех контекстах, в которых изучаемые лексические единицы выполняют роль ключевых и обладают, в силу этого, широким и относительно постоянным (хотя, разумеется, и с некоторыми вариациями) набором ассоциативных, тематических и лексико-семантических связей. Кроме того, сами анализируемые контексты должны отличаться высокой частотностью использования в текстах определенной дискурсивной принадлежности, регулярностью воспроизводства. Это служит, как говорилось выше, свидетельством их особой социальной значимости на определенном этапе развития общества, а следовательно, и особой социальной значимости тематики, в реализации которой они участвуют в качестве составляющих ее микроструктур (микровысказываний), т.е. в качестве основных сегментов ее членения.

Подобные тематические блоки и их отдельные компоненты не только играют важную роль в обеспечении единства смыслового пространства самого дискурса, но и способствуют распространению его влияния на другие типы дискурсов, перенося, «транслируя» в их сферу при помощи различных инодискурсивных включений характерные для «донорской» дискурсивной области смыслы и понятия. Это, как правило, влечет за собой и перенос специфических для данного дискурса лексических средств воплощения актуальных смыслов. Именно в этом, по-видимому, заключается один из важнейших механизмов закрепления в системе языка тех изменений в семантике лексических единиц, которые первоначально представляют собой результат их регулярного функционирования в рамках того или иного дискурса и выводятся из суммы типичных для них в его рамках контекстных значений.

Можно предположить, что все описанные процессы протекают с большой интенсивностью в тех типах дискурса, которые на том или ином хронологическом срезе являются наиболее востребованными и/или авторитетными в обществе. Наглядным примером может служить английский религиозный дискурс XIII–XV вв., в котором (как, впрочем, и во всем средневековом западно-христианском дискурсе) одной из ведущих была тема *семи смертных грехов*. Это объясняется рядом причин. Отметим, в частности, что именно

в указанный период в рамках теологии в качестве самостоятельной дисциплины выделяется этика, которая первоначально рассматривалась преимущественно как путь различения греха и добродетели.

Важное значение также имел и созыв в 1215 г. IV Латеранского Собора, который установил таинство исповеди и признал семь смертных грехов частью исповедального ритуала⁷. Их окончательная номенклатура и порядок следования, уточненные св. Фомой Аквинским в его знаменитом труде «Сумма богословия», были официально утверждены Церковью: *гордыня, алчность, чревоугодие, похоть, зависть, гнев и леность* (лат. *Superbia, Avaritia, Gula, Luxuria, Invidia, Ira, Acedia*).

Данный список несколько отличается от того, который находим у папы Григория Великого (VI–VII вв.), где семь смертных грехов представлены в следующей последовательности: *тщеславие, зависть, гнев, леность, алчность, чревоугодие и похоть*. Этот более ранний вариант использует, например, Данте при описании Чистилища.

Следует отметить, что тема семи смертных грехов была особенно характерна для религиозных текстов морально-дидактической направленности, которые предназначались для самых широких масс населения и создавались, как правило, не на латыни, а на родных для мирян языках и диалектах. Сюда относятся собрания проповедей, морально-нравоучительные трактаты, религиозно-дидактические поэмы, руководства и наставления по подготовке к таинству покаяния. Авторы подобных сочинений стремились дать как можно более тщательное разъяснение сущности каждого из семи смертных грехов, чтобы внушить верующим отвращение к ним и желание бежать от них, а если грех уже совершен, помочь осознать его должным образом и покаяться в нем на исповеди. Для достижения этой цели в большинстве случаев использовался типовой, постоянно воспроизводимый (с незначительными только вариациями) набор контекстов, которые обычно включали в себя следующие элементы:

- перечисление семи смертных грехов и общая их характеристика;
- более или менее подробное описание природы каждого из семи грехов;
- описание других многочисленных грехов и пороков, которые являются следствием смертных грехов;
- указание на те страдания и мучения, которые испытывают после окончания земной жизни души нераскаявшихся грешников;
- описание добродетелей, которые, при помощи Бога, позволяют человеку противостоять тому или иному греху и служат надежным «лекарством» против него;
- призыв покаяться в грехах, полностью вверив себя Божьему милосердию.

Подобные тематические блоки, относительно самостоятельные в смысловом плане и регулярно

воспроизводимые, несомненно, облегчали процесс как восприятия, так и запоминания заложенной в тексте информации. В свою очередь, это способствовало более эффективному воздействию данной информации на читателей или слушателей и тем самым «вживлению» в общественное сознание определенных морально-нравственных ценностей, установок и норм поведения.

Большое значение придавалось также как можно более точной и адекватной передаче ключевых для рассматриваемых контекстов понятий и значений. Между тем известно, что на предшествующих ступенях развития языка лексемы, использовавшиеся для передачи морально-нравственных понятий, качеств и эмоционально-психологического состояния людей, отличались, как правило, крайне общим, недифференцированным (диффузным) характером⁸. Так, древнеанглийское существительное *anda* (варианты: *onde*, *honde*) могло передавать такие значения, как «ненависть», «враждебность», «злость», «зависть», «раздражение», «досада», «страх», «ужас».

Подобные факты дают исследователям основание делать вывод о том, что многозначность многих древних лексем сохраняет следы меньшего расчленения понятийной сферы в средневековом мышлении. Здесь, в частности, можно привести и высказывание М.И. Стеблина-Каменского о том, что древние слова представляют собой «символы, приспособленные для выражения чего-то в сознании человека далекой от нас эпохи, сознании, совсем не похожем на наше»⁹.

Одной из характерных черт этого сознания является также нечеткое противопоставление мира внешнего и мира внутреннего, человека действующего и человека чувствующего. На уровне лексики это находит свое отражение в способности многих абстрактных единиц служить наименованием как самих объективных событий и ситуаций, так и чувств, вызываемых ими. Так, в семантике древнеанглийского существительного *hete* (совр. англ. *hate*, *hatred*), например, понятие «ненависть» сочеталось с понятиями «вражда», «борьба», «война», у древнеанглийского *sorg* (совр. англ. *sorrow*) – понятие «печаль, грусть» с понятием «беда, горе» (как событие). Причем довольно трудно определить, имеем ли мы здесь дело с неким «сплавом» концептов или с компонентами, занимающими разное иерархическое положение в смысловой структуре лексемы. Однако в любом случае есть основание говорить о том, что полисемантизм позднейших эпох отличается от диффузности раннего времени.

Неслучайно одним из основных направлений в эволюции лексических единиц морально-этической сферы была тенденция к дифференциации, уточнению их значений и одновременно к большему уровню абстракции, обобщению этих значений. При этом данный процесс затрагивал как исконные, так и заимствованные лексемы. Показательной в данном отношении является эво-

люция смысловой структуры среднеанглийского существительного *coveitise* (*covetise*, *couetise*, *coueytise*, совр. англ. *covetousness*)¹⁰. Оно было заимствовано из французского языка в XII в. и первоначально обозначало такие широкие понятия, как «желание», «страсть», «стремление к чему-то», сочетаясь с лексическими единицами разнообразной семантики.

Кроме того, в средневековых английских текстах различной жанровой и дискурсной принадлежности часто можно встретить словосочетания типа *flecshli coveitise* (плотское желание, вожеление), *coveitise of wisdom* (стремление к знанию, мудрости), *covetise of knowledge* (стремление к познанию), *coveitise of lordship* (стремление к власти, жажда власти), *covetyse of ryches* (стремление к богатству, жажда богатства), *þe coueytise of þe spyrite* (духовные устремления, духовная жажда). Приведенные словосочетания говорят и о том, что на ранних этапах своего существования в английском языке слово *coveitise* не имело постоянной отрицательной морально-этической оценочности.

Дальнейшее развитие смысловой структуры существительного *coveitise* было обусловлено, главным образом, спецификой его функционирования в религиозном дискурсе, где со второй половины XIII в. оно начинает широко использоваться в качестве наименования одного из семи смертных грехов – греха *алчности* (жадности). Это вело к сужению понятийной соотнесенности лексемы, закреплению в ее смысловой структуре ряда дополнительных сем уточняющего, конкретизирующего характера. В наиболее эксплицитной форме этот процесс находил свое отражение в тех фрагментах религиозных текстов, в которых слово *coveitise* служит объектом метатекстовой рефлексии и получает толкование с помощью довольно постоянного набора слов и словосочетаний: *immeasurable love for earthly (worldly) goods* (неумеренная любовь к земным благам, к богатству), *desire for riches* (стремление к богатству), *hardness of heart* (жестокосердие, равнодушие), *mammon* (поклонение богатству, маммоне) и т.п.

Значение, реализуемое лексемой *coveitise* в контекстах, посвященных теме семи смертных грехов (неудержимое стремление к приобретению любыми средствами материальных благ), постепенно становится для нее основной не только в религиозном, но и в других типах дискурса. Это было вполне естественным для эпохи, когда христианские темы и мотивы буквально пронизывали все общественно значимые области использования языка, а морально-нравственные понятия были неотделимы от религиозных.

Процесс специализации, семантической дифференциации лексемы *coveitise* сопровождался появлением у нее характера четко выраженной постоянной негативной морально-этической оценки, а также утратой большей части свойственных ей

ранее значений, о чем свидетельствуют данные словарей современного английского языка.

Изложенные выше факты относятся, разумеется, к процессу исторического развития семантики не только существительного *coveitise*, но и многих других ключевых для религиозного дискурса изучаемой эпохи лексических единиц морально-этического плана. Подобно лексеме *coveitise*, в контекстах, посвященных теме семи смертных грехов, получили свое дальнейшее функционально-семантическое развитие такие, например, широко употребляемые лексические единицы, как *sloth* (леность, душевная апатия), *envy* (зависть), *lust* (вожделение, похоть) и т.п. Поэтому можно также говорить и том, что рассмотренная здесь в общих чертах эволюция лексемы *coveitise* эксплицирует общий механизм взаимодействия лексической семантики и концептуальных доминант общественно значимого дискурса.

В целом все вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о целесообразности выбора в качестве основной единицы исследования однородных в содержательно-тематическом плане контекстов, входящих в единое дискурсивное пространство на определенном временном отрезке его развития. Подобный выбор дает, в частности, возможность изучать собственно лингвистические механизмы исторического изменения семантической структуры лексем в неразрывной связи с глубинными причинами этого изменения, лежащими, как уже отмечалось, в потребностях общественно значимого дискурса.

Особо подчеркнем, что все сказанное ни в коей мере не отрицает того влияния, которое оказывают на процесс развития семантики слов внутрисконструктурные факторы. Однако в случае с отдельными классами и лексико-тематическими группами слов, к которым, очевидно, принадлежат и лексические единицы морально-этической сферы, на первый план выходит специфика их функционирования в условиях реального общения

в определенном виде дискурса, который творит свой собственный мир с присущей только ему системой оценок действий, предметов и явлений.

Несомненно также и то, что дискурсноориентированные диахронные исследования играют важную роль в изучении природы самого дискурса, который, являясь «детисшем своего времени», характеризуется культурно-историческим своеобразием и обусловленной этим фактором лингвистической спецификой.

Примечания

- ¹ Мецкерский Н.А. Критические заметки по русской исторической лексикологии // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977. Вып. 2. С. 50.
- ² Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л., 1979. С. 62.
- ³ Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 62.
- ⁴ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
- ⁵ Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. С. 527.
- ⁶ Конявская С.В. Дискурс и жанр в диахроническом исследовании // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. М., 2005. С. 261–269.
- ⁷ Schlauch M. Medieval English Literature and its Social Foundations. Warszawa, 1956. P. 152.
- ⁸ Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984. С. 57.
- ⁹ Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1971. С. 7.
- ¹⁰ Колокольникова М.Ю. Семантическое и функциональное развитие лексем *coveitise* и *avarice* в английском религиозном дискурсе XIII–XV вв. // Германская филология: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 3. С. 93–99.

УДК 81'22

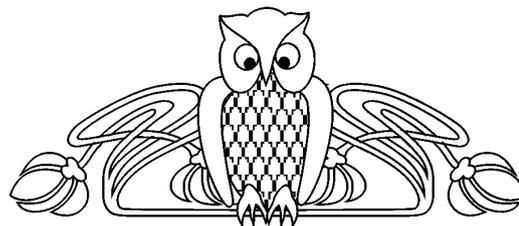
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ: МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Красовская

Саратовский государственный университет,
кафедра романской филологии
E-mail: Philology@sgu.ru

В статье рассматривается вопрос о методах, применяемых в исследовании художественных концептов. Сложность данной проблемы обусловлена неоднозначностью природы художественного концепта и сопутствующих ему образований – художественного текста, художественной картины мира.

Ключевые слова: художественный концепт, национальная художественная картина мира, индивидуально-авторская

картина мира, концептуальный анализ, методологические принципы.

The Concept in Literature: Methods and Techniques of Investigation

N.V. Krasovskaya

The article discusses the problem of the methods used to study concepts in literature. The challenge of the problem is caused by the